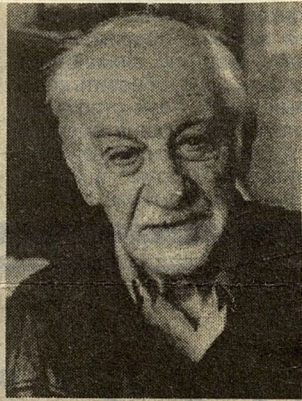

Вол. клуб - 1995 - 8 апр. - с. 3.

Конфеты для Улановой

Наш поезд движется на запад. Мы, молодые артисты Свердловского театра, едем на фронт. За окнами — белым-бело, настоящая ноябрьская уральская зима. В Перми (тогда этот город назывался Молотов) на привокзальной площади я с интересом стал рассматривать афиши. И вдруг мое внимание приковало короткое слово — "Жизель". Читаю внимательно: сегодня в оперном театре в спектакле Жизель танцует Галина Уланова.

Евгений КРАВИНСКИЙ

Это непостижимо! Галина Уланова сегодня, через несколько часов, танцует Жизель здесь в Перми! И мы бросились к начальнику эшелона, норовя узнать, сколько мы еще должны здесь простоять. Ведь на разных маленьких станциях от Свердловска до Перми мы иногда стояли по восемь часов. Нам повезло — поезд раньше утра никто не собирался отправлять. И вот мы со всех ног бросились в оперный театр. Конечно, билеты все проданы, у окошка администратора — очередь, но кто же откажет едущим на фронт молодым красноармейцам да еще актерам! Где-то в восьмом ряду замечаем несколько свободных мест и стремительно их занимаем. Наконец прозвучал должный третий звонок, и вдруг наши взоры обратились в сторону левой ложи бенуара — ближайшей к сцене. В этой ложе появился необыкновенно элегантный, высокий, статный мужчина. Ну, конечно, это же он — Юрий Александрович Завадский. Я вдруг вспомнил, как весной то ли 40-го, то ли 41-го года я неожиданно очутился на сельскохозяйственной выставке. Шел по аллее. Авпереди меня шла пара, на них нельзя было не обратить внимания. Он был выше ее на голову, шли они об руку, было видно, что это влюбленная пара. Мне они так понравились, что я захотел посмотреть на их лица. Прибавил шаг, обошел их, обернулся и остановился, как вкопанный. По аллее ВДНХ среди бела дня шли, непринужденно болтая, Уланова и Завадский.

И вот сейчас война забросила эту прекрасную пару на далекий Урал.

Я сейчас ни за что не смог бы рассказать содержание "Жизели". Я видел этот балет только один раз, тогда в Перми. Но я помню, что я не мог оторвать глаз от Улановой. Все отошло куда-то далеко, далеко. Я даже забыл, в каком городе я нахожусь. Все мое существо было поглощено необыкновенным искусством Улановой. Она была так грациозна и легка, что, казалось, стоит на нее подуть, и она взлетит к небесам. Сколько в ней было искренности и артистизма!

В антракте мы пошли по фойе и повернули к тому месту, где был вход в ложу дирекции. Вдруг неожиданно открылась дверь, и вышел Завадский.

Между нами и Юрием Александровичем не было никого, он стоял, смотрел, как к нему приближалась восьмерка красноармейцев. А мы, перебивая друг друга, начали с ним здороваться. Он покачивал головой, как бы отвечая на приветствия. А потом протянул левую руку по направлению сцены и сказал только одно слово: "Какова?!"

Кто-то спросил, как же им здесь живется. Он сказал: "Все ничего, вот только Галина Сергеевна страдает без сладкого".

Я вспомнил, что в Свердловске перед отъездом, в кондитерском магазине нам удалось купить конфет. Там давали мессинскую помадку (что-то я давно не ел таких вкусных конфет). Это разноцветные небольшие кружочки, слепленные друг с другом. Да и сахар у нас, конечно, был. Мы сказали, что если наш эшелон утром еще будет стоять, то мы соберем свои сладкие пожитки и принесем обязательно. Юрий Александрович был растроган и дал нам свой адрес.

После конца спектакля, полны необыкновенных впечатлений, мы мчались на вокзал. Все было нормально, наш эшелон стоял и никуда не думал двигаться. Придя в вагон, мы прежде всего собрали "гостинец" — в нем было, наверное, полкило слепленной разноцветной мессинской помадки и несколько больших кусков колотого сахара.

Рано утром отправились по адресу, который дал нам Завадский. Нашли дом (по-

моему, это было актерское общежитие), осторожно позвонили, открылась дверь, и на пороге возникла очень скромная, как нам показалось, простая девушка. Я спросил Юрия Александровича, девушка сказала, что он уже ушел.

И я вдруг понял, что перед нами стоит Галина Уланова.

Мы были растеряны, она, видимо, тоже — так мы и продолжали стоять в дверях.

Потом кто-то из нас начал говорить о вчерашнем спектакле, о встрече с Юрием Александровичем. И начали ей совать в руки нескладно завернутый в газету сверток. Галина Сергеевна стала нас приглашать в комнату, но мы очень спешили. Она спросила, куда мы направляемся. А узнав, что на фронт, просто сказала: "Благослови вас Господь, мальчишки!" Мы осмелели, поцеловали ей руку и быстро помчались на вокзал.

